

| *Моей семье*

Благодарности

Я благодарна многим людям и организациям за их поддержку в написании этой книги.

Под благодатным солнцем «Фермы» мои научные руководители и наставники из Стэнфорда стали главными сторонниками этого проекта. Я в огромном долгу перед Хансом Ульрихом «Зеппом» Гумбрехтом, Дэном Эдельстайном и Китом Майклом Бейкером за их ценные советы, поддержку и наставничество — начиная от моей докторской диссертации и ранних публикаций и заканчивая серьезным исследованием, которое превратилось в эту книгу. Роберт Харрисон, Джошуа Лэнди, Джон Бендер и Роланд Грин также были потрясающими собеседниками и моими союзниками в работе, как и сотрудники, преподаватели и постдоки программы Стэнфорда «Введение в гуманитарные науки». Стипендии на исследование, писательскую работу и поездки от Фонда Жоржа Люрси, Центра гуманитарных наук Стэнфорда, Королевского колледжа Кембриджского университета, Высшей нормальной школы в Париже, а также Стэнфордская премия имени Джеральда Либермана позволили реализовать этот проект и поддержали мои архивные исследования во Франции. Премия для младшего преподавательского состава от Университета Джорджа Мейсона и стипендия Тайри-Лэмб от Общества Цинциннати обеспечили финансирование и время для завершения второго этапа архивных исследований, благодаря которому акцент книги сместился с Европы на весь мир. Особая благодарность Джону Гарригесу за советы по архивным источникам на тему Сен-Доминго и сотрудникам Исторической службы обороны в Венсенском замке, Национального архива в Пьерфите и Париже, Национальной библиотеки Франции, а также Люку Форливези из замка Шамбор за содействие в моей работе. Участ-

ники семинара Блумингтон 2015 года Университета Индианы, посвященного теме заботы, помогли отточить мои доводы. Члены Группы старого порядка в Вашингтоне предоставили полезную обратную связь по проекту и третьей главе книги.

Множество людей прочитали отрывки или черновую рукопись книги: Джек Сенсер, Дженнифер Хойер, Говард Браун, Клиффорд Роджерс, Джон Линн, Алан Форрест и Дэн Эдельстайн. Я навсегда в долгу перед ними за их внимательное прочтение рукописи и комментарии, которые улучшили финальный текст. Я очень благодарна Гаю Роулэндсу, Рейфу Блауфарбу и Дэвиду А. Беллу за наставничество, поддержку, пронизательные наблюдения и советы в отношении моей работы за последние годы. Я также хочу поблагодарить двух анонимных читателей рукописи за подробную и конструктивную критику, которая во многом сделала книгу лучше. Бесконечная благодарность Майклу Макгенди из «Cornell University Press», который поверил в этот проект с нашей первой встречи в Американской исторической ассоциации. Его комментарии помогли превратить эту книгу в научный труд, во многом превосходящий мою работу на момент создания. Я также благодарю Бетани Васик, Сьюзан Барнетт, Сару Фергюсон и остальных членов команды Корнельского университета, Мишель Витковски из *Westchester Publishing Services* и составителя алфавитного указателя Кей Бэннинг за доброту и качественную работу по публикации этой книги.

Ранее части второй и третьей глав были опубликованы в формате статьи под названием «Le Soldat Sensible: военная психология и социальный эгалитаризм во французской армии эпохи Просвещения» в журнале *French Historical Studies* (2008. Выпуск 31, № 4. С. 553–580); и «Морализация войны: Военное просвещение во Франции XVIII века» в книге “France and Its Spaces of War: Experience, Memory, Image” («Франция и ее военные пространства: опыт, история, образы»), редакторы Дэниел Брюер и Патриша Лорсин (Нью-Йорк: Palgrave Macmillan, 2009).

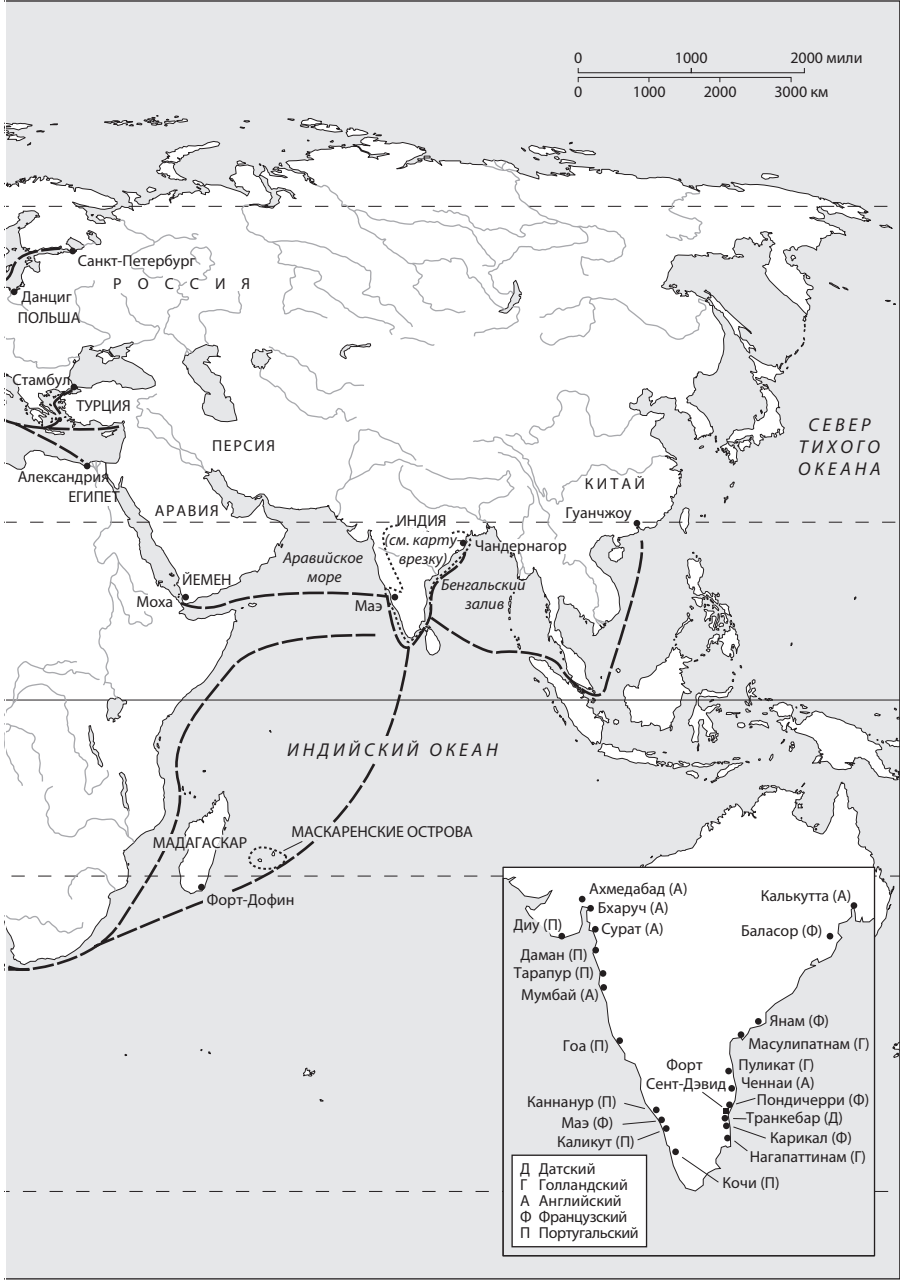
Задолго до того, как я задумалась об аспирантуре и профессуре, учителя в моей старшей школе «Питтсфорд Сазерленд» и преподаватели в Принстонском университете призывали меня стремиться к знаниям и мыслить в научной работе широко. Я безмерно

благодарна своим научным руководителям по сравнительному литературоведению в Принстоне: Роберту Холландеру, Сандре Берман и Эйприл Эллистон. Они посоветовали мне заняться амбициозными междисциплинарными проектами. Слова поддержки и удивительные творческие возможности, предложенные Корнелом Уэстом и Тони Моррисоном, помогли мне обрести свой голос, ощущение личной значимости и смелость найти свое место в роли студентки, творческой личности и позже профессора.

Мои коллеги, работающие в области современных и классических языков, истории и истории искусств, женских и гендерных исследований, а также в Центре истории и новых медиа Университета Джорджа Мейсона, вместе с моими потрясающими студентами твердо поддерживали меня в работе и карьере. На протяжении многих лет мой родной город Рочестер, штат Нью-Йорк, и места, ставшие родными, — университет Принстон, Истменовская школа музыки, Стэнфорд, Кембридж, Высшая нормальная школа, Париж, залив Сан-Франциско и Вашингтон — помогли мне обрести целую плеяду выдающихся, креативных и щедрых друзей. Они делились советами, дарили мне возможности общения, совместного музицирования и хорошего времяпрепровождения, которое помогло пережить стресс при написании моей первой книги.

Самую большую благодарность я хочу выразить своей семье: родителям Анжеле Блай Пичичеро и Майклу Пичичеро, моему брату Дэвиду Пичичеро, родственникам в США и Франции, моему мужу Томасу Эскурру и нашим двум дочерям. Томас, ты моя опора, мой партнер и лучшая половина во всех смыслах. Без тебя я бы ни за что не написала эту книгу. Клеа, хотя тебе всего четыре, у тебя в два раза больше силы духа и упорства, чем у меня. Я учусь у тебя каждый день и мечтаю увидеть, куда заведет тебя твой жизненный путь. Марион, ты родилась в год выхода этой книги. Спасибо за то, что остаешься таким милым младенцем, — много спишь, мало капризничаешь, много улыбаешься. Благодаря этому твоим родителям немного проще заниматься карьерой и воспитывать тебя и твою старшую сестру. Наша маленькая семья дарит мне поддержку, надежду, радость и смысл жизни каждый день. Спасибо. Эта книга посвящается вам.

Введение

Что такое Военное просвещение?

Философы! Моралисты! Сжигайте свои книги...
война — неизбежная кара.

Вольтер. Война. Философский словарь, 1764

В XVIII веке никто не нуждался в Вольтере, чтобы узнать, что война несет разрушения, ужасы и трагедию. Признание и осуждение ужасов войны ожидалось даже от солдат. Иное мнение не одобрялось. В битве при Фонтенуа в 1745 году, которая принесла французской армии не только одну из величайших побед XVIII века, но и почти 20 000 жертв, шестнадцатилетний сын и наследник короля Людовика XV, дофин Франции Людовик Фердинанд (1729–1765), подвергся осуждению за равнодушие к бойне. Рене-Луи де Войе де Польми, маркиз д'Аржансон (1694–1757), служил министром иностранных дел и с недовольством отмечал, что дофин «спокойно смотрел на обнаженные трупы, страдающих врагов и прижженные раны». В откровенном и душераздирающем письме к Вольтеру (псевдоним Франсуа-Мари Аруэ, 1694–1778) маркиз выражал тревогу по поводу того, что некоторые юные герои Франции так и не научились презирать военные расправы. Д'Аржансон называл это *inhumaine curée* — нечеловеческой борьбой за трофеи. Со своей стороны он признавал, что его сердце не выдержало устрашающего зрелища поля боя. В тот момент, не в силах сдержать свои чувства и ужас, он отвернулся и его вырвало. «Победа — самая прекрасная вещь

в мире, — писал маркиз. — Крики “*Vive le Roi*”¹ и размахивание треуголками на острие штыков, похвала королем своих солдат, королевские визиты в окопы, деревни и редуты, уцелевшие после битвы. Радость, слава, триумф. Но цена этого — человеческая кровь и обрывки человеческой плоти» [d’Argenson 1825: 21–22].

Отношение д’Аржансона к войне отражает Военное просвещение, противоречивый на первый взгляд термин². Разве война и его участники — то, что Вольтер называл финансируемым государством массовым убийством и разбоем организованных групп убийц, — не являются противоположностью понятий просвещенного пацифизма, космополитизма, гуманизма и прогресса человеческой цивилизации? Однозначно нет. С конца XVII и на протяжении XVIII века эти на первый взгляд абсолютно противоположные феномены были неразрывно связаны. Война, военное дело и просвещение слились воедино в одну из главных проблем столетия, предмет споров и сражения за прогресс.

Значение Военного просвещения становится понятным в контексте исторического смысла Просвещения³. Дать определение

¹ Да здравствует король (*фр.*).

² Понятие «Военного просвещения» было давно предложено и разработано Джоном Линном и Азаром Гатом; однако их работа не была интегрирована достаточным образом в более общую историю Просвещения. См. [Lynn 2003] и [Gat 2001]. См. также [Starkey 2003; Duffy 1987].

³ Джули К. Хейс предлагает полезное различие между историческим и философским понятием Военного просвещения в [Hayes 1998]. С философской точки зрения Просвещение как интеллектуальное движение было связано с нормативным рядом идеалов, включая светский либерализм и гражданский гуманизм, и с рациональным научным или философским поиском (*esprit philosophique*) во имя человеческого прогресса и счастья. Однако общее применение этих аспектов, или понимание Просвещения как единой философии, феномена или проекта, в значительной степени признано неубедительным. Вместо этого многие ученые утверждают, что в течение «долгого XVIII века» разворачивалось множество «Просвещений»: французское, шотландское, католическое, протестантское, ньютоновское, картезианское, атлантическое, средиземноморское и т. д. Классические исследования, например [Кассирер 2017; Gay 1966; Gay 1969], были вытеснены постмодер-

Просвещению, также известному как *Lumières*, *Aufklärung*, *Illuminismo* или *Ilustración*, сегодня так же сложно, как и в XVIII веке, хотя люди того времени считали его феноменом французского происхождения [Edelstein 2010: 21, 28]. Просвещение можно считать исторически локальным явлением в силу ряда открытий, сделанных историками. В первую очередь, как утверждает Дэн Эдельштейн, Просвещение развивалось как нарратив, в рамках которого люди конца XVII — начала XVIII века считали себя «просвещенными» по сравнению с представителями Античности и предыдущих исторических эпох. Согласно этому нарративу, зародившемуся в «споре о древних и новых» во французских академических кругах, «текущая эпоха (*siècle*) была “просвещенной” (*éclairé*), так как “философский дух” научной революции проник в образованные слои, учебные заведения и даже правительственные сферы» [Ibid.: 2]. Участники Военного просвещения считали себя творцами истории прогресса и были убеждены, что работу армии и условия ведения войны следует улучшить. Ради прогресса в этих сферах деятели Военного просвещения применяли критический философский дух, или *esprit philosophique*, чтобы лучше понять войну и военное дело. Они также предлагали и внедряли множество реформ.

нистскими подходами, рожденными из культурных и лингвистических «поворотов» в научной методологии. Недавним исключением является Дэн Эдельштейн [Edelstein 2010], который реабилитирует анализ Питера Гэя и выступает за унитарное представление сущности и французского происхождения Просвещения. Решительное давление против подобного единого понятия Просвещения заметно в критической многотомной истории Джонатана Израэла. См. [Israel 2002; Israel 2009; Israel 2013]. Критику подхода Израэла и его идеологического определения Просвещения см. в [Democratic Enlightenment 2013]. Классическая формулировка понятия множественных «Просвещений» приводится в [Porter, Teich 1981]. Это разнообразие служит основанием для аргумента Дж. Г. А. Покока, согласно которому ученые должны разработать общее представление о том, что предшествует «Просвещению», поскольку нельзя определить единую унитарную единицу или процесс. См. [Россок 2008]. Также на тему Просвещения и истории см. [Brewer 2008]. Краткий обзор историографии Просвещения см. в [Schmidt 2014; Schmidt 2013].

Кроме того, деятели Военного просвещения участвовали, а также сами создавали то, что Клиффорд Сискин и Уильям Уорнер считают еще одной особенностью Просвещения. Речь идет о «новых или переосмысленных» формах коммуникации, протоколирования и посредничества, которые становились популярными в XVIII веке: газетах, журналах, справочниках, тайных обществах, научных академиях, кофейнях, почтовой системе и др. [Siskin, Warner 2010: 12–18]. Эти средства, наряду с обозначенным выше общим нарративом, способствовали развитию того, что Джон Покок, Доринда Аутрем и другие считают дискурсивным контекстом Просвещения как «серии взаимосвязанных и порой противоречивых проблем и дискуссий» или «очагов, в которых интеллектуальные проекты изменили общество и правительство в глобальном масштабе» [Schmidt 2013: 3].

Самый значимый из таких очагов — по своему масштабу, субъективной важности в XVIII веке и последствиям для современного общества — касался войны и военного дела. Как отмечает Мэдлин Доби, этот период ознаменовал «появление первого настоящего метадискурса о целях и последствиях войны» [Dobie 2009]. Этот метадискурс был отчасти философским: размышлениями о природе войны и ее правильном ведении, идеальных боевых характеристиках, отношениях между военной службой и гражданством, военных издержках с экономической, политической, моральной, физической и эмоциональной точки зрения. Метадискурс был также практическим и техническим — собственно военным — стремлением ощутимо изменить менталитет и практики, касающиеся обмундирования, оружия, тактик, подготовки и медицины. Эти диалоги и дискуссии не ограничивались резиденцией монарха в Версале, армией, военно-морским флотом и его управлением. Они привлекли гораздо более широкую публику: *philosophes* (публичных интеллектуалов того времени), литературную элиту, драматургов, поэтов, прозаиков, художников, политических теоретиков, историков, врачей, математиков и инженеров. Эти дискуссии были важны для членов аристократического *noblesse d'épée* (дворянства шпаги), чье культурное самосознание и социально-экономическая привиле-

гированность были связаны с военным делом⁴. Они имели значение и для простого народа Франции, который провожал сыновей на войну, впускал солдат на ночлег в свои дома и нес налоговое бремя, за счет которого финансировались многие войны XVII–XVIII веков. В самом распространенном и глубоком смысле война и армия были сферами национального интереса.

Это ведет к новому пониманию Военного просвещения и французского Просвещения в целом. Исследователи Просвещения во многом не осознавали или не уделяли достаточного внимания центральной роли войны и армии в философии и реформах этой эпохи. Это относится даже к “Cambridge Companion to the French Enlightenment” («Кембриджский компаньон. Французское просвещение»), междисциплинарному научному сборнику, опубликованному в 2014 году. Каждое эссе в нем содержит «краткий обзор важных аспектов французского Просвещения, обсуждение их главных характеристик, внутренней динамики и исторической трансформации»⁵. Несмотря на высочайшую интеллектуальную строгость, «Кембриджский компаньон» исключает любое упоминание войн. Это упущение потрясает: ведь величайшие умы в области философии, науки, литературы, экономики, искусства и политики того времени уделяли большое внимание столь актуальной теме. Схожим образом военные историки недооценивали масштаб и культуру Военного просвещения. Некоторые считали это лишь предметом обсуждения военных специалистов того времени. Другие просто упоминали его существование как данность без дальнейших пояснений. Культурные истории войны и армии Франции раннего Нового времени пролили свет на такие важные темы, как отношения между американскими индейцами и французами, гражданские армии, дисциплина и солдатская

⁴ Роль защиты королевства определяла дворянское второе сословие в феодальном обществе Старого порядка как *ceux qui combattent* («тех, кто сражается»). Первое сословие состояло из людей Церкви — *ceux qui prient* («тех, кто молится»), а третье сословие состояло из всех работающих классов — *ceux qui travaillent* («тех, кто работает») французского населения.

⁵ См. [Brewer 2014] и его рекламную аннотацию.

честь, отношение человека к войне⁶. Тем не менее эти исследования не затрагивают более общего движения, частью которого являются данные темы.

Таким образом, Военное просвещение было частью более широкого феномена Просвещения. Оно следовало его общей хронологии, участвовало в том же нарративе и медиа, отражало *esprit philosophique*, делая войну и военные начинания характерными для просвещенной эпохи⁷. С точки зрения философии и политики его участники привнесли широкий спектр точек зрения: одни были атеистами, другие деистами; кто-то провозглашал христианскую мораль, в то время как другие придерживались концепций светской моральной философии. Одни выступали за механистический *esprit de système* («дух системы») или *géomètre* («дух геометрии») и стремились к универсальным принципам, другие следовали *esprit de finesse* («духу утонченности»), признающему склонность людей совершать ошибки при бесконечных непредвиденных обстоятельствах. Кто-то продвигал классический республиканизм, другие были поборниками абсолютной монархии. Такое разнообразие не помешало возникнуть всеобъемлющему течению Военного просвещения, которое охватывало двоякие устремления. Первая цель — не начинать войну без крайней необходимости. Нужно воевать эффективно и рационально, чтобы достичь военных целей, при этом сократив издержки и сэкономив ценные ресурсы, особенно человеческие. Вторая цель — вести войну гуманно, в манере, которая отражает сострадательность, нравственность, разумность и достоинство человечества.

⁶ См. [Crouch 2014; Osman 2015b; Drévilion 2013; Guinier 2014b; Tuetey 1908; Corvisier 1964; Léonard 1958; Chagniot 1985; Seriu 2009].

⁷ Невоенные *philosophes*, а также военные реформаторы — военные интеллектуалы, или *militaires philosophes*, — следовали тому, что позднее понималось как кантовская идея освобождения военной сферы от ее «самоналоженного покровительства». Они считали «просвещение» военной задачей, привнося метафорический свет и критическое размышление туда, где были тьма и невежество. Метафора света часто встречается в работах военных мыслителей эпохи. См., к примеру, [Саксонский 2009].

Эти ключевые цели и конкретный исторический контекст, при котором оно развивалось, позволяет называть течение, исследуемое в этой книге, Военным просвещением. Тем не менее важную роль также сыграл трансисторический процесс, который начался в рамках «долгого XVIII века» и продолжался на протяжении последующих веков. В то время как участники Военного просвещения старались изменить поведение и политику немедленно, в свою эпоху, их теории, практики и вокабуляр создали парадигмы мышления и действия в военной сфере, которые продолжают действовать и сегодня. Таким образом, Военное просвещение отражает важный этап в истории того, что Дэвид А. Белл называет «культурой войны» и военного сектора⁸.

Некоторые аспекты культуры войны и отношения к ней сделали военную сферу главным очагом французского Просвещения. Эти факторы имеют объяснение. Первым было всеобщее убеждение, что война является неизбежной частью человеческой природы и общества. XVIII век известен планами вечного мира, предложенными Шарлем-Ирене Кастелем, аббатом Сен-Пьер (1658–1743), в 1713 году и Иммануилом Кантом (1724–1804) в 1795 году. Их надежды были разбиты массовостью и глобальным характером, которые отличали войны в десятилетия после публикации их трактатов, начиная Войной за австрийское наследство (1740–1748) и Семилетней войной (1756–1764) и заканчивая Революционными и Наполеоновскими войнами (1792–1815). Но если исключить Сен-Пьера и Канта, маловероятность всеобщего мира не удивляла многих представителей «долгого XVIII века». Как и Вольтер, люди считали войну не просто скверной, а «неизбежной скверной». Вольтер, как и многие современные приматологи, считал, что человечество агрессивно по природе и это качество объединяет нас с животными:

Все звери постоянно ведут войну; каждый вид рожден, чтобы уничтожить другой. Нет никого, даже овец и голубей, кто бы не поглощал огромное число мелких животных.

⁸ По поводу «культуры войны» см. [Bell 2007: 11–17].

Мужские особи одного вида ведут войну за самок, словно Менелай и Парис. Воздух, земля и вода — места уничтожения. Кажется, что Бог наделил людей разумом, и этот разум должен научить их не унижать друг друга, подражая животным, особенно когда природа не дала им ни оружия, чтобы убивать собратьев, ни инстинктов, заставляющих сосать кровь. Но в кровожадной войне участвует такое множество людей, что, за исключением двух-трех наций, нет таких, чья древняя история не отражала их воюющими друг против друга⁹.

Исторические и этнографические труды эпохи подтверждали убеждение, что война присуща человеческой цивилизации везде и во все времена в истории [Lemaу 1985]. Даже Жан-Жак Руссо (1712–1778), выступавший против видения Томаса Гоббса, согласно которому человечество ведет «войну всех против всех», соглашался, что люди, живущие в обществе, находятся в состоянии войны.

Будучи неотъемлемой частью человеческой цивилизации, война считалась необходимостью для суверенных государств на протяжении «долгого XVIII века». Она получила название Второй столетней войны (приблизительно 1689–1815). Лишь в период с 1672 по 1783 год Франция находилась в состоянии войны в течение 50 из 110 лет и участвовала в шести масштабных конфликтах. В течение этого периода вопросы колониальной власти и династической *gloire* («славы») в качестве главного мотива международной войны превзошли религию. Французский министр иностранных и военных дел Этьен-Франсуа де Шуазель (1719–1785) отмечал: «Колонии, торговля и морская мощь, которую можно извлечь из них, определяют соотношение сил на континенте»¹⁰. Джеймс Уитмен утверждает, что в этом соотношении сил

⁹ Статья «Война» в [Voltaire 1901]. Размещена в электронной книге Университета Аделаиды, Австралия. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/v/voltaire/dictionary/chapter475.html> (дата обращения: 23.03.2017).

¹⁰ Цит. по: [Scott H. 2009: 47]. Скотт предупреждает о преувеличении значимости колониальных владений в политических расчетах монархов XVIII века. См. также [Baugh 1998].

война была «разновидностью формальной легальной процедуры, используемой лишь суверенными государствами, чтобы заявить о своих правах через победу» [Whitman 2012: 17]. Юристы, работающие в рамках *jus victoriae*, закона победы, пытаются ответить на главные вопросы: «Откуда мы знаем, кто победил?» и «На какие права может претендовать победитель благодаря победе?» [Whitman 2012: 10]. Ставки на *jus victoriae* были высоки, а нагрузка на глобально ориентированные военно-фискальные государства экстремальна. К началу эпохи Войны за испанское наследство (1701–1714) ежегодные военные расходы Франции в два раза превосходили показатель во время Голландской войны (1672–1678). Военные расходы в Европе резко выросли, так как государства несли все большую ответственность за найм и содержание солдат, а также финансирование наращиваемой морской экспансии, армейских казарм, расширенных фортов и другого военного оснащения, цены на которое значительно выросли [Scott H. 2009: 29–30]. Под сокрушительным финансовым давлением из-за массивного дефицита, связанного с войнами, возник определенный паттерн: фазы интенсивных конфликтов (1688–1714, 1739–1763, 1787–1815) чередовались с периодами мира, во время которых государства пытались восстановить свои внутренние финансы и подготовиться к новой войне¹¹.

Многие полагали, что война, помимо своей необходимости в эпоху меркантилизма и колониализма, полезна для репутации правителей и их государств. Историки Жоэль Феликс и Фрэнк Таллетт утверждают, что

...правительства и правящая элита совместно с важным, хотя и непостижимым, сектором общественного мнения признавали, что престиж Франции требовал превентивных и реактивных военных действий. Это относилось к Людовику XIV (1638–1715) и Наполеону Бонапарту (1769–1821), а также к правлению Людовика XV (1710–1774) и Людови-

¹¹ Хотя в период между 1714 и 1741 или между 1763 и 1792 годами не было общеевропейских войн, и в эти «мирные» промежутки происходили крупные военные конфликты.

ка XVI (1754–1793). <...> В итоге война предоставляла самый красноречивый вердикт о национальной ценности и лидерских качествах правителя [Félix, Tallett 2009: 151]¹².

Как утверждает Джон А. Линн, королевская династическая и аристократическая культура *gloire* — желания славы и почета — стала могучей силой, поглотившей Людовика XIV и бушевавшей на протяжении XVIII века¹³. Геополитика и парадигма *gloire* совместно подкрепили убеждение, что война никогда не закончится, и, возможно, на то были причины.

Метадискурс о войне становился все более убедительным, по мере того как росло число солдат, сражавшихся на военных фронтах по всему миру. В ту эпоху большинство европейских государств увеличили масштаб военных сил в четыре-пять раз по сравнению с периодом двумя веками ранее [Scott H. 2009: 29]. Во Франции число военных сил при правлении королей из династии Валуа и Людовика XIII (1601–1643) выросло с 50 000 до 80 000, затем утроилось до 253 000 во время Голландской войны и достигло 360 000 в период Девятилетней войны (1688–1697) при правлении Людовика XIV¹⁴. Министр финансов «короля-солнца» Жан-Батист Кольбер (1619–1683) подготовил для страны огромный военный флот: к 1695 году у нее имелось 93 боевых корабля водоизмещением более 1000 тонн, которые соперничали с английским и голландским флотом по качеству, если не по количеству [Félix, Tallett 2009: 154–155]¹⁵. В течение «долгого XVIII века» военные действия человечества при бóльших издержках, чем

¹² Обсуждение этой темы в контексте конца XVIII века см. в [Whiteman 2002].

¹³ На тему *gloire* см. [Lynn 1999] и в более широком историческом контексте [Morrissey 2010].

¹⁴ Эти цифры отражают количество солдат в военное время, скорректированное в меньшую сторону исходя из правила *douze pour vingt*, которое означает, что следовало нанимать 20 рекрутов, чтобы на поле боя отправились 12. Исследование историографических дебатов на тему французской армии в военное и мирное время в период между Религиозными войнами и Войной за испанское наследство см. в [Lynn 2006].

¹⁵ По вопросу французской морской экспансии и контракции в период правления Людовика XIV см. [Darnell 2016].

ранее, вовлекли большее число людей в большем числе мест. С учетом этих высоких ставок неудивительно, что сфера военных действий привлекала пристальное внимание мыслителей и реформаторов эпохи Просвещения.

Ведение «хорошей войны»

Удручающее ощущение неизбежности, необходимости и ошеломляющего масштаба войны не вело к отказу от нее и не вызывало апатию. Армия, интеллигенция и заинтересованная общественность избрали активный, даже оптимистичный подход, в основе которого также лежало их понимание войны. Словарные и энциклопедические определения войны того периода весьма показательны в этом смысле. Запись о войне, “Guerre”, в первом издании “Dictionnaire de l’Académie française” («Словарь французской академии», 1694) гласила, что это конфликт между монархами или суверенными государствами, чей исход определяется при помощи оружия. Среди первых примеров употребления этого понятия встречается *faire bonne guerre* — «вести хорошую войну»: сохранять в военных действиях «всю человечность и гуманность [*honnesteté*], разрешенную законами войны». Война, как говорилось в “Dictionnaire”, может быть занятием, отражающим человеческое достоинство и нравственность или, напротив, уподоблявшем людей кровожадным хищным зверям. Запись о войне в “Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers” («Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел»), публиковавшейся во Франции в период между 1751 и 1772 годами под редакцией философов Дени Дидро (1713–1784) и Жан-Батиста Лерона д’Аламбера (1717–1783), повторяет это определение¹⁶.

Данные описания подчеркивают ключевые принципы Военного просвещения. Во-первых, они доносят онтологию войны как феномена, принципы, условия и ведение которого зависят от человеческого участия и поиска смысла. По мере того как крестовые походы и религиозные войны уходили на второй план, то же

¹⁶ См.: Le Blond G. Guerre в [Encyclopédie 1751–1776, 7: 985].

самое происходило с концепцией божественно предопределенной «праведной войны»¹⁷. Война стала деятельностью, мотивы, процессы и итоги которой определяет человек. Такой гуманистический подход брал начало в эпохе Возрождения. Историк Эрве Древилюн предполагает, что «военный гуманизм» эпохи Возрождения «утвердил не только человеческий характер войны, но и способность человека определять ее принципы и исследовать рациональность» [Drévilion 2013: 16].

Призыв к разумному ведению военных действий — вторая основная характеристика, рожденная в предыдущих столетиях и развиваемая участниками Военного просвещения. В контексте эпохи Возрождения и мысли начала XVII века военные теоретики полагали, что рациональный подход позволит достичь желаемых боевых и моральных результатов. Люди могут использовать способность к рассуждению, чтобы определить универсальные принципы войны, таким образом превратив ее в науку, конечным исходом которой станет стратегическое и тактическое «совершенство»: науку боевой победы. Армия может менять контуры военных действий, чтобы поддерживать человеческое достоинство и возводить человеческий дух к божественному. Рационализм в данном контексте означал неостоическую доктрину ограничения в военных действиях, которая подчеркивала ценность человеческой жизни и предлагала логические объяснения ужасов гражданской войны, которая захлестнула Францию во время Религиозных войн (1562–1629), и беспорядочных и жестоких армий во время Тридцатилетней войны (1618–1648)¹⁸.

¹⁷ История теории праведной войны прослеживается с VIII или IX века до н. э. по настоящее время. См. текущие публикации в: *Oxford Handbook of Ethics of War* / ed. H. Frowe, S. Lazar. New York: Oxford University Press, 2015.

¹⁸ По Религиозным войнам см. [Barbier-Mueller 2006; Carpi 2012; Constant 2002; Crouzet 2008; Crouzet 2005; Crouzet 1999; Diefendorf 1991; Greengrass 1986; Greengrass 1987; Greengrass 2007; Holt 2005; Jouanna et al. 1998; Knecht 1996; Knecht 2007; Knecht 2001; Knecht 2000]. По поводу французских военных взглядов на Тридцатилетнюю войну см. [Parrott 2001; Thion 2008]. См. также [Bonney 2002; Livet 1994; Parker 1984; Sacchi 2003; Krumenacker 2008].

И все же ведение «хорошей войны» в XVIII веке требовало превзойти рационализм и создать науку военного гуманизма в духе эпохи Возрождения. Возникла потребность в новом «просвещенном» подходе. Как гласит определение войны в “*Dictionnaire*” от 1694 года, ведение войны в правильной и «хорошей» манере предполагало «гуманность» и «цивилизованность». Эти понятия и их лексические компаньоны — восприимчивость, социальность и общество — приобрели огромное значение: они необратимо изменили и модернизировали отношение к войне и военному устройству. Эти термины стали взаимосвязанными благодаря сенсуалистической моральной философии, которая привела к появлению новых определений и изменила значение существующих терминов. Понятие гуманности, ранее обозначавшее человеческую природу, приобрело более конкретную нравственную составляющую и соответствующее значение. По данным “*Dictionnaire*” от 1694 года, «гуманность» означает «мягкость, цивилизованность, доброту и чуткость к бедам других» (*douceur, honnesteté, bonté, et sensibilité pour les malheurs d'autrui*). Понятие «учтивость», или *honnesteté*, сохранило свое значение вежливых манер и общения, но также приобрело новый смысл, став неотъемлемой составляющей подлинных человеческих отношений.

Культ чувства, вытекающий из слова *sensibilité* («чувствительность», «чуткость» или «чувство»), также был ключевым компонентом военной и элитарной культуры данного периода¹⁹. Основанная на философии сенсуализма, предложенной Джоном Локком (1632–1704), Дэвидом Юмом (1711–1776) и Этьеном Бонно де Кондильяком (1714–1780), концепция *sensibilité* стала ключевой человеческой чертой. Для врачей она легла в основу знаний о человеческой природе и идентичности; для философов-моралистов, например Руссо, Дидро и Адама Смита (1723–1790), она отвечала за формирование общности между людьми²⁰. Быть человеком чувства — *âme sensible* («чувствительной душой»),

¹⁹ По теме *sensibilité* во французском Просвещении и Войне за независимость США соответственно см. [Vila 1998; Knott 2009]. По теме *sensibilité* в условно современном видении войны как откровения см. [Harari 2008].

²⁰ См. [Локк 2022; Юм 1996а; Юм 1996б; Смит 2022].

тем, кто переживает о других, — стало признаком высшего физического и морального облика и превратилось в новый тип социального капитала. Как утверждал Дэн Эдельштейн, дворяне и буржуазные элиты стремились стать *noblesse du coeur* («аристократией сердца») [Edelstein 2009: 15].

Нравственные чувства и их лексикон — *sensibilité, humanité, bienfaisance* («доброжелательность»), *sociabilité* и *social* (последние два неологизма появились в XVIII веке) — отражали отход от традиционных тем военного гуманизма и показывали подлинное развитие в этот период. Эпистемический сдвиг от рационального к чувственному проходил в рамках того, что Джоан Дежан называла «аффективной революцией» [DeJean 1997: 82]. Эта революция отразилась на ценностях Военного просвещения. Рыцарский кодекс — в понимании средневековых рыцарей он был гораздо более безжалостным, чем полагают немедицисты, — уступил место мягкости, уважению, социальности, благожелательности и состраданию в ходе ведения войны²¹. Эти идеи впервые проявились в полноценном и осознанном виде в эпоху Просвещения.

Данные нравственные чувства не были просто идеалами. Они имели серьезные последствия для физических и психологических аспектов военной медицины и лечения гражданского населения, солдат и моряков во время кампаний, военнопленных и ветеранов. Определенные основы этих практик появились ранее, в XVII веке, перед тем как расцвести, трансформироваться через культ чувства и стать нормой в XVIII веке²². Голландский юрист

²¹ См. [Gillingham 1988; Kaeuper 1996; Kaeuper 1999; Kaeuper 2014; Kaeuper 2016].

²² Историк Джеффри Паркер утверждает, что большинство современных конвенций об ограничениях в войне появились в Европе в период между 1550 и 1700 годами, сначала в теории и со временем на практике. Эти ограничения формировались под многочисленным влиянием — законов, личного интереса, аристократического кодекса чести. Государство, военная сфера, международное законодательство и теория права объединились, определив *jus (ius) ad bellum* (правовую инициацию войны) и *jus in bello* (правомерное поведение в ходе войны). Дополнительную информацию об эволюции законов войны см. в [Tuck 1999; Howard et al. 1994, особенно гл. 2–4]. См. также [Best 1983]. Дополнительную информацию о культурах дворянской чести и жестокости во Франции раннего Нового времени см. в [Sandberg 2010; Briost et al. 2002; Jouanna 1989; Carroll 2006; Kristen 1989].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru